

*Храбрецам,
которые озаряют путь остальным*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В НАЧАЛЕ БЫЛА ЛИШЬ ТЕМНОТА. А ПОТОМ СЕМЬ СЕСТЕР РАССМЕЯЛИСЬ, И ОТ ИХ СМЕХА ВСПЫШКОЙ ЗАРОДИЛСЯ МИР. СЕСТРЫ ПРОШЛИСЬ ПО ВОЛНАМ И ВЫСЕКЛИ БЕРЕГА МОРЕЙ. ВДОХНУЛИ ЖИЗНЬ ВО ВСЕ СУЩЕЕ И СОТКАЛИ МИР ВОЕДИНО ЛЮБОВЬЮ, ДОБРОТОЙ И КРАСОТОЙ.

ВОТ ТОЛЬКО ОСТАТЬСЯ НАВЕЧНО ОНИ НЕ МОГЛИ. ПРЕЖДЕ ЧЕМ ДВИГАТЬСЯ ДАЛЬШЕ, ОНИ НАЗНАЧИЛИ НЕСКОЛЬКИХ ИЗБРАННЫХ ПРИСМАТРИВАТЬ ЗА МИРОМ В ИХ ОТСУТСТВИЕ. ЧТОБЫ ПОМОЧЬ НОВОЯВЛЕННЫМ СТРАЖАМ ЛЮБИТЬ И ЗАЩИЩАТЬ СОТВОРЕННЫЙ МИР, СЕМЬ СЕСТЕР НАДЕЛИЛИ ИХ ДАРОМ.

ДАРОМ МАГИИ.

А ЗАТЕМ, СЛОВНО ПОГАСШЕЕ ПЛАМЯ, ОНИ ИСЧЕЗЛИ.

— УЧЕНИЕ ДРЕВНИХ,
МИФ О СОТВОРЕНИИ МИРА

ГЛАВА * 1

≡ ГИДЕОН ≡

Гидеон тербил ткань украденной формы. Травянисто-зеленая куртка стояла колом, как будто ее еще как следует не разносили.

Незадачливый стражник — прежний обладатель формы — в этот самый момент лежал связанный (и наверняка до сих пор без сознания) в чулане на третьем этаже дворца Ларкмонт. Остальным четверым повезло меньше — их тела уносили прочь ледяные воды фьорда.

У Гидеона не было выбора.

Он забрался в самую глубь вражеской территории и разоблачению однозначно предпочитал смерть.

Мрачные мысли резко контрастировали с ярко освещенным бальным залом вокруг. Музыканты настраивали инструменты, готовились к началу выступления. Люстры над головой мерцали огнями, между разодетыми и увешанными драгоценностями гостями принца Сорена сновали слуги, предлагая напитки и закуски, пока не заиграла музыка.

Гидеон стоял у стены, наблюдая за происходящим в зале, как и все остальные стражники, и взгляд его был прикован к одной-единственной цели — красивой девушке в золотистом платье.

К Руне Уинтерс.

Рядом, положив ладонь ей на поясницу, стоял принц Сорен, умбрийский вельможа. Костюм на нем сидел как влитой, на плаще, эффектно перекинутом через одно плечо, красовалась вышивка серебром — фамильный крест, а взгляд принца жадно скользил по платью Руны, будто давая разрешение всем остальным последовать его примеру.

Гидеон наблюдал за ними, и у него закипала кровь.

Платье было и правда красивое, не поспоришь. Его наверняка сшил какой-нибудь модный кутюрье, а стояло оно целое состояние. Вот только Руна оно совершенно не подходило. Ей вообще не шло золото, а V-образный вырез, доходивший почти до пупа спереди и до поясницы сзади, явно был слишком глубоким, зато содержал в себе предельно четкое послание для окружающих.

Посмотрите на нее. Она моя.

Принц хотел, чтобы гости восхищались красавицей-ведьмой, составившей ему компанию. Сорену Руна казалась экзотичным существом. Живым экспонатом, который он вознамерился добавить в свою коллекцию.

Если собранная Харроу информация была верна, неделю назад принц сделал Руне предложение, и она приняла его, но с одним условием: если Сорен хотел получить ее в жены, он должен был предоставить Крессиде армию.

Вот почему Гидеон вызвался выполнить это задание.

Как только Крессида обзаведется армией, так сразу развяжет войну против Новой республики, а если победит, то восстановит старый режим, к власти снова придут ведьмы и погибнет еще больше людей.

Допустить подобного Гидеон не мог. Руна была клеем, на котором держался нечестивый союз Крессиды и Сорена, а потому должна была умереть.

Гидеон получил приказ убить ее и намеревался его выполнить. Прямо здесь. Сегодня.

Он целый вечер ждал, когда же представится подходящая возможность. Стоял у стены бального зала, потел в украденной форме и наблюдал, как Руна флиртует со своим суженым. Наблюдал, как Сорен флиртует в ответ — наблюдал за каждым жадным прикосновением, за каждым спесивым взглядом.

Все это сводило с ума.

Не успели предать тело Алекса земле, а Руна уже обручилась с другим мужчиной. Да еще и с принцем, ни больше ни меньше.

Может, именно такого она всегда хотела видеть рядом? Именно принца?

Глупо было даже мечтать, что у него есть шанс.

Гидеон коснулся кончиком пальца пистолета на бедре. Он был готов. Во всеоружии. Надо было лишь выждать подходящий момент...

— Вы скучаете по дому?

Гидеон внимательно рассмотрел гостей, собравшихся вокруг Руны и Сорена, остановился на девушке, задавшей вопрос. У нее были золотистые, как пшеница, волосы, уложенные в причудливую корону из кос.

Руна рассмеялась.

— Разве можно скучать по месту, где все хотят твоей смерти?

Гидеон смотрел, как она подносит к алым губам бокал шампанского, как выпивает все до последней капли.

Это был уже третий бокал за вечер.

Хотя Гидеон, само собой, не считал.

— А каково там было до революции?

— Мы, ведьмы, жили так же, как вы, — произнесла Руна, обводя рукой огромный зал вокруг, сверкающие люстры, мраморные колонны, подпирающие

расписные потолки. — В нашей жизни сполна было музыки, красоты, искусства...

«Точно, — подумал Гидеон. — И вся эта роскошь доставалась вам ценой наших страданий».

Жужжание фиделей* нарастало, оркестр гудел все громче. Гидеон оглядел зал и заметил, что зрители начинают занимать свои места, усаживаясь лицом к музыкантам.

— А потом однажды ночью Гидеон Шарп провел революционеров во дворец, и у нас все это украли.

Едва услышав, как с губ Руны срывается его имя, Гидеон тут же устремил все внимание к ней.

— Он убил двух королев прямо в постели, а его товарищи вырезали остальных прямо на улицах. Он бы и меня дал убить, не спаси меня Крессиды.

Гидеон тут же ощетинился. *Да ты о многом не упомянула, милая.*

— Должно быть, у тебя сердце разрывается, — заметил принц. Рука его медленно скользила вниз по спине Руны, костяшки пальцев касались обнаженной кожи. — Ты так далеко от дома и знаешь, что там творятся такие ужасы... Я рад, что отныне ты свободна.

Руки Сорены обвили ее талию. Вероятно, жест был знаком утешения, но казался скорее напоминанием, что Руна принадлежит ему.

Гидеон повел плечами, усилием воли заставляя себя расслабиться.

— И по сей день ведьм убивают ни за что ни про что, за сам факт существования, — продолжала Руна, изучая опустевший бокал. Казалось, ей было вполне спокойно в объятиях Сорены. — Я сумею освободиться лишь тогда, когда все мои сестры тоже будут свободны.

* Старинный смычковый инструмент, предшественник виолы и скрипки. — *Прим. пер.*

Гул инструментов стих, объявили о начале выступления.

Гости стали расходиться, двигаясь поближе к музыкантам.

Сорен сжал пальцы Руны и потянул ее к креслам — уже зазвучала первая песня. Однако, не успели они сделать и пары шагов, как девушка остановилась будто вкопанная.

Гидеон не сводил с нее глаз, даже повернулся к ней всем телом.

— Все в порядке?

Музыка нарастала, и Гидеон мельком глянул на музыкантов. Песня казалась знакомой, хоть он и не мог понять, откуда знает ее.

— Мне... мне надо носик припудрить. — Казалось, Руна с трудом сохраняет хладнокровие. — Скоро вернусь.

— Не говори ерунды, — тут же откликнулся Сорен, — концерт уже начался. — Он понизил голос. — Они выступают *для тебя*, Руна, в честь нашей помолвки. Тебе надо присутствовать.

Он с такой силой стиснул ее руку, что костяшки пальцев у него побелели.

Гидеон сощурился. Сжавшись, подобно пружине, он наблюдал, как Сорен тащит Руну вперед. Навстречу музыке — той самой музыке, от которой она явно стремилась сбежать.

— Мне надо... — Руна попыталась вырвать руку, но безуспешно. Сорен, казалось, лишь усилил хватку, отказываясь выпускать ее, и Гидеон, оттолкнувшись от стены, сделал шаг вперед. Охранники, стоявшие в десяти шагах от него, тут же подозрительно на это покосились, в очередной раз напомнив, что вокруг враги. Нельзя было привлекать внимание к себе.

Кроме того, в спасении Руна явно не нуждалась: она храбро шагнула навстречу Сорену, не давая ему двинуться к креслам.

— Обещаю, я почти ничего не пропущу. — Привстав на цыпочки, она обвила шею принца бледными руками, коснулась губами его щеки, прильнула к нему. Свободная рука Сорена опустилась Руне на бедро, он с восхищением огладил упругий изгиб. Руна меж тем продолжала: — Зато потом, когда выступление закончится, а гости разъедутся, я тебя кое-чем порадую. Я приготовила нечто особенное.

От ее слов у Гидеона упало сердце, а все тело будто обратилось в камень. Застыв, он наблюдал, как пальцы Сорена оглаживают щеку Руны.

— Нечто особенное, значит? — пробормотал принц и, склонившись, крепко поцеловал Руну.

Девушка зарылась рукой в русые волосы и ответила на поцелуй, будто давая распробовать, что ждет его впереди. Сорен притянул ее ближе, и Гидеон понял, что целуются они не впервые. Наверняка дело между ними успело зайти куда дальше поцелуев.

При мысли об этом что-то будто пробудилось в нем. Какое-то трепетное, болезненное чувство. Грудь сдавило узлом, и казалось, что под ногами вот-вот разверзнется бездна.

Достаточно.

Гидеон потянулся к пистолету.

Впрочем, довести задуманное до конца он не успел: Руна уже выскользнула из объятий Сорена.

— Думаю, мой сюрприз тебе понравится. — Щеки ее покраснелись после поцелуя. Она, пятась, направилась к выходу из зала. — А пока меня не будет, попробуй угадать, что я задумала.

Руна подмигнула, и глаза принца потемнели от похоти.

Гидеона замутило.

Руна развернулась на каблуках и двинулась прочь. Обнаженная спина, видневшаяся в вырезе платья, все

больше удалялась, и ни Сорен, ни Гидеон не сводили с нее глаз.

Руна проскользнула мимо гостей, все еще занимавших свои места, мимо стражников, выстроившихся вдоль стен. Она так торопилась, что в дверях налетела на служанку — девушка едва успела притормозить. В одной руке у нее слегка подрагивал поднос с бокалами, в другой была бутылка виски.

Гидеон наблюдал, как Руна перекинулась со служанкой парой слов, забрала у нее бутылку и исчезла в холле.

Наконец-то.

Настал момент, которого Гидеон так ждал.